

Л.А. Чибиров

ХАМЫЦ – УНИКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЫ

Л.А. Чибиров*

Аннотация. *Нарт Хамыц – фигура рельефная, главенствующая в осетинской Нартиаде, не лишенная подлинного достоинства и магической силы. Однако, согласно сюжету большинства сказаний («Нартовский ныхас», «Как Сырдон изготовил фандыр» и др.), Хамыц представлен посредственным, не совершавшим подвигов воином, в мужестве и ответственности уступавшим брату-близнецу Урузмагу. Нарты отзывались о нем нелестно: склонность к чревоугодию, жестокосердие, женолюбие. При этом он не оспаривал справедливость подобных оценок. Между тем неразумность и мстительность Хамыца, имевшие трагические последствия, обводятся для нартов добром. Так, он оставил склеп матери без присмотра, и на*

свет появились Сатана, первый из земных коней Арфан и первый земной пес Силам. А истребление семьи Сырдона имело следствием изобретение музыкального инструмента – фандыра.

Факт поражения «женской болезнью» роднит Хамыца со скифскими энарями и еще больше – с легендой о фее Маха из ирландской легенды об уладах.

Ключевые слова: *нарты, сказания, Хамыц, Батраз, кровная месть, Быценон, энареи, «зуб Аркыза».*

Хамыц – сын Ахсартага и Дзерассы, отец прославленного героя Батраза, брат-близнец именитого Урузмага, с которым они часто вместе ходили в завоевательные походы, старшинствовали за пиршественными столами.

Фигура Хамыца – одна из центральных в Нартиаде, не лишенная подлинного достоинства. Однажды настал неурожайный год, и нарты оказались в трудном положении: одни из них более не поднимались с постели, другие гибли – никого не было среди людей, кто подал бы им воду и пищу. Когда об этом узнал вернувшийся из похода Хамыц, он стал ежедневно ходить на охоту, доставлял туши диких животных и начал кормить людей мясом. Постепенно нарты благодаря Хамыцу стали приходить в себя, встали на ноги.

По другому сюжету, Уастырджи решил проверить человеческие качества Хамыца. Будучи в походе, Хамыц встретил Уастырджи в образе старика-путника, умирающего с голода. Хамыц отдал ему собственный дорожный запас. Другой раз Уастырджи в образе старца (Донбеттыра) попросил у Хамыца воду, и тот отдал ему последний запас воды. Хамыца, как умного нарта, который мог найти выход из самых трудных обстоятельств, Т.А. Хаμιцаева сравнивает с греческим Одиссеем [1, с. 86].

Однако, по сюжету большинства сказаний, булатноусый Хамыц оказывается посредственным, не совершавшим подвигов воином, он обладал необыкновенным мечом (один нарт взмахнул мечом Хамыца и отсек себе ноги), но в мужестве уступал своему брату Урузмагу, был менее ответственен. Когда братья охраняли склеп матери от проникновения Уастырджи, первые две ночи добросовестно

бодрствовал Урузмаг. На третью ночь, когда пришла очередь Хамыца, он, поддавшись чарам доносившегося издали пения, покинул «пост».

Не раз на нартовских собраниях Хамыцу давали нелестные характеристики. И что примечательно: сам он не оспаривал справедливость таких оценок. Лучшим подтверждением сказанного служит знаменитое сказание «Нартовский ныхас», повествующее о том, как однажды нарты вынесли три драгоценных куска ткани (æртæ тыны) на ныхас, чтобы вручить их лучшему.

Выставляя первую ткань, Урузмаг предложил ее тому, кто окажется самым умным, самым храбрым, самым благонравным.

Когда вперед вышел Хамыц и заявил, что он забирает ткань, возмущенные нарты осыпали его обвинениями:

– Как это так? Ведь ты и тени своей издавна боишься (*ды рагæйдæр дæ ауонæй куы тæрсыс*), никому в глаза открыто взглянуть не смеешь.

– Верно вы говорите, лучшие из нартов! Не найдете вы во мне ничего такого, чем бы я мог перед вами похвастаться. А вот мой сын... Отважнее его среди вас не найдется. Из-за доблести сына я забираю первый кусок ткани.

Вынес Урузмаг второй кусок ткани и предложил сокровище тому, кто окажется более других воздержанным в еде и питье, кто с чином-честью пронесет до конца свою человеческую ношу, как бы она ни была тяжела.

Когда снова Хамыц сказал, что ткань полагается ему, вновь возразили нарты:

– Негожи дела твои, Хамыц; ведь нет среди нартов такого, кто не знал бы о твоей прозорливости. Никто никогда не видел тебя сытым. Сидишь за

* Чибиров Людвиг Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник КНИО ВНЦ РАН (chibirov@mail.ru)

столом целую неделю, а слово «бæркад» уста твои не произносятся!

Хамыц им отвечает, что ткань берет не себе, а своему сыну Батразу, ибо с утробой своей никто не может совладать лучше, чем он, не найдется никого, кто был бы умереннее в еде и в напитках.

Третий кусок ткани Урузмаг предложил тому, кто покажет себя самым обходительным с женщиной (*сылгоймаджы тыххæй æгъдауджындæр чи разына*), кто окажется самым терпимым к поступкам своей жены (*фылдæр чи ныббара йæ сылгоймагæн*).

Когда Хамыц вновь заявил, что и эту ткань никому не уступит, на него вновь посыпались обвинения:

– Да у людей в поговорку вошел твой Кок-зуб; люди пословицы сложили, ты же к чужим женам сквозь щели в заборах пробирался, а свою жену – дочь Быцента – в кармане носил, как ты посмел такое сказать!

– Все ваши упреки к месту, но знайте, собачьи нарты, что по обхождению с женщиной вы ни в ком не найдете большей стати, чем в сыне моем Батразе [2, с. 268–269; 3, с. 196–197].

Одним словом, если у Хамыца есть что-то хорошее, так это его непобедимый, благородный, воздержанный и мудрый сын Батраз.

Нартовская чаша Уацамонга была с семью отметинами. Обычно никто, кроме Хамыца, не мог испить из нее больше, чем на три деления.

Нарты считали большим позором бахвальство и ложь. А их определителем на больших пиршествах бывала чаша Уацамонга. Когда нарт говорил правду, чаша поднималась к его устам, когда же лгал – не сдвигалась с места. Нарты, сидящие за столом, наблюдают позор старого Хамыца, к губам которого, конечно же, не поднялась волшебная чаша. Сын Хамыца спасает свой род от бесчестия, рассказав, сколько он убил врагов. Этот эпизод Дюмезиль сравнивает со скифским обычаем, приводимым Геродотом: «Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом» (Геродот, IV. 66). Когда Батраз похвалялся тремя подвигами, то первый раз Уацамонга поднялась со стола и опустилась на колено Хамыца, второй раз – до пояса Хамыца, а в третий раз он приказал ей подняться к устам его отца и... чаша Уацамонга поднялась [2, с. 259–259].

Достоинства Батраза приветствовались старейшинами: во-первых, в течение недели на пиршестве он был сдержан в еде, но лучше всех танцевал и поддерживал веселье; во-вторых, вернувшись из завоевательного похода, он увидел, что его жена спит с пастухом, но и здесь он проявил сдержанность. Старейшины нартов оценили его качества и

поздравили как самого Батраза, так и Хамыца, воспитавшего такого достойного сына.

В сказании «Уацамонга нартов» повествуется, как Хамыц пьет из Уацамонга. Чаша была полна всякими скверными и отвратительными животными: змеями, лягушками и ящерицами. Они поднимались ко рту Хамыца. Но Хамыц бил их своими булатными усами, и они прятались на дно чаши. Так Хамыц осушил Уацамонга нартов [1, с. 73].

В сказании «Как появился фандыр» Хамыц проявил себя недостойным и жестокосердным убийцей. В голодный год Сырдон похитил у Хамыца его упитанную корову, заколол ее и сварил. В то время когда мясо коровы варилось в котле, Сырдон отправился на нартовский ныхас и начал подтрунивать над Хамыцем. Подозрение закралось в душу Хамыца, ушел он незаметно с ныхаса и с помощью Сырдонова пса проник в его подземное жилище. Придя в ярость от увиденного (в котле варилось мясо его коровы), Хамыц порубил сыновей Сырдо-на и бросил их в котел. Сырдон вернулся домой и, вынимая из котла мясо, с ужасом осознал произошедшее [2, с. 295–208].

С этим сюжетом можно провести следующую параллель: находившиеся при дворе Киаксара и незаслуженно оскорбленные им (из-за неудачной охоты за дичью), в отместку решили разрубить на куски одного из мальчиков (мидийских. – Л. Ч.), бывших у них в обучении (искусству стрельбы из лука. – Л. Ч.). Затем, выпотрошив, как обычно потрошат мясо диких животных, подали на стол Киаксару как охотничью добычу...» [4, 1.73.]. Аналогичный сюжет сохранился в вайнахских нартовских сказаниях. В сказании «Орстойцы и Воток Ширтга» имеется такой сюжет: орстойцы бросили в кипящий котел сына Ширтги. Отцу оставалось только уповать на возможность отомстить убийцам сына в будущем [5, с. 93, 94].

Между тем неразумность и мстительность Хамыца оборачиваются непредвиденным добром для нартов. Из-за того, что он оставил склеп матери без присмотра, на свет появились Сатана, первый из земных коней Арфан и предводитель земных собак – Силам. А истребление семьи Сырдо-на имело следствием изобретение Сырдоном фандыра.

Хамыц обладает чудодейственной силой. Как известно, в царство мертвых можно только войти, но нельзя выйти. Там побывал Сослан. Там же побывал Хамыц (Болат-Хамыц). вернулись из Страны мертвых благодаря находчивости. [6, с. 73].

Дружественным нартам был род карликов – Быцента. Это был мужественный и мудрый народ.

В этой связи весьма оригинально представлена в эпосе и женитьба Хамыца, связавшего свою жизнь с родом Быцента (варианты – Донбеттырта, Камбадата). Сказание существует в 18 вариантах. Ниже – суть основных. Однажды на охоте Хамыца изумил своей ловкостью, добротой встретившийся с ним маленького роста человек, и они побрата-

лись. Он оказался из рода Быцента, племянником владыки подводного царства Донбеттыра. Очарованный Хамыц решил взять в жены одного из дочерей этого чудесного рода. Хамыц отправляется с карликом к Донбеттырам просить руки их дочери. В некоторых сказаниях Быцента жили в море под большими камнями в местности Дурганан.

Второй вариант сказания, по сути, не отличается от первого. Однажды Хамыц на «прекрасном, как лебедь», белом коне охотился на зайца, преследовал зверя до края земли, а там оказалась перевоплотившаяся дочь Донбеттыра. И она могла жить на земле, только прикрывшись днем черепашим панцирем.

По третьему варианту сказания во время охоты Хамыц попадает к морскому владыке Донбеттыру, и тот обещает ему в жены свою дочь. Хамыц должен явиться за невестой по истечении месяца. В условленное время донбеттыры достойно встречают именитых нартов: Донбеттыр сам отводит Хамыца в комнату дочери, которая была ослепительно красива.

Во всех вариантах сказаний Хамыц решил вступить в брачный союз. Узнав о его согласии породниться, донбеттыры поставили ему условием выполнение трех труднейших задач, с которыми жених справился: поймал и вернул брошенные высоко в небо обруч, кольцо и пояс дочери Донбеттыра. В восьми вариантах сказаний дочь Донбеттыра выступает в облике лягушки (ночью), которая, сбросив свою шкуру (днем), превращается в красавицу, часто она и большая рукодельница, может сшить одежду для всех нартов, или же множество одежды для Хамыца [2, с. 224–227; 7, с. 157–198].

Вместе с тем подводные обитатели раскрыли Хамыцу свой недостаток: они не выдерживают насмешек, от обиды заболевают, не терпят надругательств над собой. Потому советовали Хамыцу не выводить будущую жену в общество, не показывать людям, дали знать жениху: если увидят ее нарты, она покинет своего мужа и вернется в родительский дом. Итак, вместе с мужем Быценон прибывает в Страну нартов.

Иной раз в сказаниях уточняется, что невеста Хамыца была крошечного роста, что-то вроде лягушки (аналогичный мотив находим в русской сказке «Царевна-лягушка») [8, с. 125]. Хамыц берет ее в карман, чтобы никогда с ней не расставаться, и в то же время держит свой странный брак в секрете. Между тем нарты были встревожены, что жена Хамыца не обычная женщина, и дети ее станут помыкать нартами; нарты погибнут, если не избавиться от нее. Какое-то время все обходится благополучно; вскоре на помощь приходит Сырдон.

Молодая Быценон, став женой Хамыца, днем по-прежнему превращалась в лягушку, и муж носил ее в кармане или за пазухой. Ночью же она превращалась в прекрасную молодую женщину-богиню.

Однажды, вопреки мольбам своей жены, Хамыц приносит ее в кармане на нартовский ныхас. Сыр-

дон без труда узнает тайну Хамыца и при всех ставит ему в укор то, что он принес на ныхас в кармане жену. Когда это стало известно, Быценон не смогла больше жить с Хамыцем («Я не могу жить на земле без своей «рубашки», – говорит она мужу, – здесь жарко, и мы должны с тобой навсегда расстаться»). Перед уходом Быценон, дунув мужу в спину, передала плод мужу по лопатку.

По другому варианту Сырдон вбил стальные гвозди в башню Ахсартагата, по ним поднялся до верха, увидел из окна Быценон. Когда она сняла панцирь («рубашку») и уснула, Сырдон бросил панцирь в огонь.

Третий вариант сказания связан с самим Хамыцем. Однажды ночью, когда жена уснула, Хамыц бросил ее лягушачью шкуру в огонь. Утром, когда она узнала, что шкура сгорела, она вздрогнула от ужаса и сказала мужу:

– Да не будет над тобою Бога! И меня и себя сделал несчастными. Сейчас же доставь меня к воде.

И когда они пришли на берег моря, она сказала, что ждет мальчика и передаст его Хамыцу.

Итак, во всех вариантах дело кончается пересаживанием плода в тело Хамыца. Ребенок рос на спине Хамыца, нарты не знали, в чем дело, смеялись над ним. Лишь Сырдон понимал, в чем дело. Сюжет о зачатии посредством дыхания обоснованно сопоставляется с присущим скифской мифологии представлением, согласно которому прародительницей скифов также является дочь водной стихии, точнее – богиня земли и воды, воплощение низнего мира.

Спустя положенные 9 месяцев Сатана решила вскрыть нарост на горбу Хамыца у моря (если на суше, то вся земля, люди и растения на ней сгорят). Перед вскрытием опухоли булатным ножом (вариант – мечом) Сатана, обращаясь к роду Ахсартагата, сказала:

– Выходите, посмотрите. Это будет тот, кто до последних дней вашей жизни будет вам помогать. Если Бог даст, то море его покроет всего, и он закалится полностью.

Мальчик упал в море, и оно закипело. Сатана велела отнести мальчика после закаливания к небесному Сафа. По другому варианту сказания о закалке Батраза, спустя 9 месяцев Сатана ведет Хамыца на вершину семярусной башни; внизу приспособливают семь чанов с водой. Из опухоли комом вылетает раскаленный стальной молодец. Упав вниз, он поочередно падает во все чаны, пока окончательно не остывает в седьмом.

К чести Хамыца, даже когда его жена вернулась в отцовский дом, он не отказывал в помощи. Однажды смертельно заболел ее отец, а единственным спасением для него была вода из родника, расположенного за семью горами. Хамыц достает спасительную воду.

Быценон не была единственной женой Хамыца. Второй раз он был женат на дочери Солнца – Хорческе. Сатана в качестве жены Хамыца встречает-

ся в единичных сказаниях, что не типично для эпоса [1, с. 86].

Между близнецами Хамыцом и Урузмагом часто возникал спор: кто из них первым появился на свет. Решив это выяснить, братья-близнецы поехали к родной тете Кызымде (вариант – вещей старухе Кармагон), жившей в с. Фаснарт. На вопрос братьев, кто из них старше, Кызымда указала на Урузмага, потому что его конь стоял с правой стороны по ходу; Хамыц в гневе проклял ее:

– Да чтобы тебя покрыл серый осел рода Бората!

На это проклятие Кызымда взмолилась, обращаясь к Хамыцу:

– Солнышко мое, не пускай его ко мне, я тебя одарю зубом Аркыза, и все женщины, кому его покажешь, будут твоими.

В другом варианте зубом его наградил бог Аркыз.

Первоначально магическим свойством обольщать женщин обладал чудесный зуб Аркыза, которым был одарен Хамыц. Со временем свойство зуба переносится и на самого героя. Т.А. Хамицаева пишет: «С чудесным зубом Хамыца связан довольно устойчивый, традиционный мотив, который имеет сюжетообразующее значение в эпосе, в особенности в цикле «Хамыц и Батрадз». Примечательно, что этот мотив, как и сам образ Хамыца – обольстителя красавиц, получил в эпосе этическую оценку и интерпретацию – осуждение. Владение таким зубом, по некоторым сказаниям, ослабило Хамыца; он перестал ходить в завоевательные походы, превратился в «сылваз» – бабника [1, с. 78].

После получения такого подарка (Аркыза зуб) Хамыц стал слыть соблазнителем. Люди боялись выпускать на улицу своих дочерей, чтобы ненароком не попались они на глаза Хамыцу. В числе других волшебным действием своего «зуба любви» Хамыц соблазнил семерых невесток, жену и дочь Бурафарныга. Хамыц постоянно хвастается своими любовными победами. Как метко подмечено И. Джанаевым, «Хамыц оказался младшим братом Урузмага не только по рождению, но и по уму, по силе и благородству» [9].

Все исследователи подчеркивают особую распространенность в эпосе, особенно в цикле, посвященном Батразу и его отцу, темы кровной мести. В эпосе широко представлены сюжеты о смерти Хамыца и мести его сына Батраза. Хамыца, утратившего и силу, и храбрость, убили Сайнаг-алдар и Бурафарныг; страсть стала его «ахиллесовой пятой» и причиной гибели [10, с.156]. Оскорбленный Бурафарныг, жену (в вариантах – дочь) и семерых невесток которого соблазнил Хамыц, будучи верен своей природе, не посмел сам наказать его, но, «затаив злобу в сердце», обратился к Сайнаг-алдару.

В один прекрасный день Хамыц надумал охотиться. В удобный момент Сайнаг-алдар нанёс ему удар ножом (вариант – мечом), который пришелся по зубу Аркыза. От него откололся кусочек и

взлетел до самого неба; с тех пор появился месяц на небе. Убитого же Хамыца его конь принес домой в Верхний квартал селения нартов. С именем Хамыца связана и трава ковыль – «Хамыцы рихи» (Хамыца ус). С убитым на почве мести Хамыцем Ж. Дюмезиль соотносит обычай отсечения правого плеча пленника (оно отбрасывалось как можно дальше от тела) в знак позорной смерти у скифов [4, IV.62; 3, с. 44].

Все великие нарты, за исключением Урузмага, умирают не своей смертью; не миновал этой участи и Хамыц. Убийство Хамыца произошло, когда Батраз был еще младенцем. Когда он повзрослел, жестоко отомстил нартам за убийство Хамыца, много и невинных людей пострадало от его неистового гнева. Следует сказать, что тем самым Батраз приблизил и свою собственную гибель.

Причина смерти Хамыца кроется в его поведении. Его убийцы, согласно разным версиям сказаний, разные. В одной из версий – это малик города Тынты, в других – Сайнаг-алдар, в третьих – Бурафарныг, в четвертых – Челахсартаг, в пятых – Маруко, племянник Бората. Между тем «зуб» принес Хамыцу столько несчастья, сколько и счастья: он заплатил жизнью. Еще в одном сказании он «забит камнями», что, по правильному толкованию Т.А. Хамицаевой, «связано с древним обычаем избивания камнями за прелюбодеяние» [1, с. 79].

Образ Хамыца представлен и в других версиях Нартиады: Хымыш – у адыгов (черкесов), Хымыш – у балкарцев, Хамч – у ингушей, Хниш – у абхазов [3, с. 21]. В разных вариантах его роль неодинакова. Как отмечено, в абхазском эпосе герой известен под именем Хныш, жена которого – мать 99 братьев. Однако если в осетинской версии Нартиады муж Сатаны – старейшина нартов Урузмаг, то исполняющий его роль в абхазских сказаниях Хныш непопулярная, незаметная фигура в эпосе [11, с. 15–17; 3, с. 246].

Поиски параллелей уводят к русским былинам, к красавцу Чуриле с огромным фаллосом. В былинах он изображается в виде молодого человека с «кудрями желтыми». Символика желтого цвета связана с весенним плодородием и ростом. Он покорял женщин «перстами злачными», «камнями-самоцветами», «платьем цветным», «шапкой соболиной», фишками фаллической формы. Известно, что фаллические божества играли большую роль в архаических культах как покровители деторождения и плодородия земли. О связи Чурилы с плодородием свидетельствует и его отчество – Пленкович, что в белорусском означает «плоды, урожай» [12, с. 230].

Как отмечено выше, сексуальная сила Хамыца была заключена в зубе Аркыза. При этом он утратил способность сходиться с женщинами, не прибегая к услугам зуба Аркыза. Соблазненная зубом Аркыза девушка, отвергнутая Хамыцем, превратилась в змею. Хамыц вытащил зуб, потер об девушку, и она снова приняла свой прежний облик. Этот

сюжет не что иное, как параллель с преданием о Яриле-змееборце, который, рассекая змею мечом, также снимал заклятье [8, с. 121–127]. Корреляция зубов и фаллоса прослеживается во всех мифологических моделях. Мы разделяем точку зрения цитируемого автора, увидевшего в образе Хамыца жреца бога плодородия, а не меча, как полагал В. Цагараев [13]. Не случайно Хамыц пригрозил тете превратить ее именно в осла, а не в другое животное (вспомним и знаменитое «гуляние» Урузмага тоже на осле по сельской улице). В народной культуре осел – символ необузданной сексуальности, он же атрибут древнегреческого бога плодородия Приапа, который изображался с чрезмерно развитыми органами плодovitости, что роднит его и с Чурилой, и с Хамыцем.

Таким образом, как и Чурила, нарт Хамыц связан с божеством плодородия. Оба они выполняют, по всей вероятности, функцию жреца-дефлера-тора. Отсюда фаллоцентризм и неуправляемая страсть этих двух эпических героев-соблазнительей, по происхождению восходящих к приапическим культам [8, с. 127].

В монографии «Скифы и нарты» Дюмезиль посвятил специальную главу природе «женской болезни» Хамыца: «Беременность Хамыца и недуг уладов» [14]. Хамыц самым очевидным образом поражен недугом, который вполне может называться «женской болезнью», ибо нарыв (или опухоль) скрывает беременность, которая кончается «разрешением»... И Зевс был беременным, но перенес легче. Дюмезиль проводит довольно интересную параллель между оскорбленной женщиной Быценом, недугом скифских энареев и легендой ирландских уладов.

Болезнь Хамыца и ее причина – оскорбление сверхъестественной женщины, дочери карликовых Быцента (Донбеттырта, Камбадата) – напоминают недуг энареев и его причины – оскорбление Афродиты Небесной. Были у скифов энареи – женоподобные «мужчины», которые были, по словам Геродота, царями, а значит, принадлежали к высшей аристократии, шаманская природа их женской болезни представляется бесспорной [14, с. 131, 168]. Воспоминания о них остались, по всей видимости, в осетинских сказаниях о беременности нарта Хамыца. Согласно легенде об энареях, скифы взяли сирийский город Аскалон и оставили его, не причинив ущерба, кроме того, несколько оставшихся отрядов ограбили Храм Небесной Афродиты. И это оскорбление имело тяжкие последствия, о которых пишет Геродот: «Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом» [4, 1.105]. Оттуда страдания скифов, получивших название «энареи». Более яркой параллелью может быть следующая легенда об ирландских уладах. «Женская болезнь» и «двуполые» персонажи есть и в ирландском эпосе.

В дом вдового крестьянина Крунниук вошла молодая женщина Маха и стала жить с ним. Через некоторое время она забеременела. И срок разрешения наступил тогда, когда состоялось великое собрание уладов. На праздник Крунниук собирается один из них. Жена советует ему не говорить неосторожных слов на людях. Не придерживаясь совета, на игрищах Крунниук заявил королю, что его жена бегаёт быстрее королевских коней. На это заявление король приказал привести женщину, чтобы она бежала с колесницей. Женщина, которая уже чувствовала приближение схваток, просила оставить ее или же отсрочить состязание, но к ее мольбам не прислушались. В итоге Маха бежит с колесницей и побеждает. Однако, добежав до цели, она производит на свет двух близнецов. И во время родов она испускает такой крик, что завораживает всех слышавших его мужчин. Она была феей и, начиная с того самого дня, все воины были обречены на то, чтобы раз в жизни в течение пяти дней и четырех ночей терпеть родовые муки [14, с. 168–170].

Сравнивая все три легенды, Ж. Дюмезиль особенную близость к Хамыцевой беременности распознал в легенде об уладах, что видно в следующей выдержке из монографии. «Как бы мы не толковали вышеприведенные три легенды, «эта «женская болезнь», поразившая скифских «василевсов»,... примыкает – в свете осетинского сказания – к таинственному недугу уладов; она составляет своего рода этнографическое дополнение к сказанию о рождении Батраза, восстанавливая исконное равновесие между ирландским рассказом и кавказским сказанием; она составляет звено, позволяющее цепи замкнуться» [14, с. 171]. Вместе с тем, при поразительной схожести осетинской и ирландской легенд, они, по Дюмезилу, разнятся в следующем: «У осетин оскорбленная женщина, прежде чем исчезнуть, переправляет зародыш в тело своего героя-мужа и тем самым наделяет его «женской болезнью» в виде беременности и родов; у ирландцев оскорбленная женщина сама доводит свою беременность до драматического разрешения и наделяет «женской болезнью» всех мужчин этого народа, не удостоив своего крестьянина-мужа даже упоминания» [14, с. 172].

Наконец, подчеркивая наличие точного соответствия между осетинским эпосом и эпосом ирландцев, Дюмезиль вместе с тем исключает вариант заимствования, ибо по типу своему эти сказания разные [3, с. 172].

Мнение В.И. Абаева о монгольских корнях происхождения имени Хамыц (как составной части имени «Хабичи»), как наследии старых осетинско-монгольских отношений [15, с. 248], разделяется не всеми специалистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хамицаева Т.А. Комментарии // Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 3. – М., 1991.
2. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. – М., 1989.
3. Дюмезиль Жорж. Осетинский эпос и мифология. – Владикавказ, 2001.
4. Геродот. История. 1972. I.73; IV. 5;
5. Дахкильтов И.А. Ингушский нартский эпос. – Нальчик, 2012.
6. Памятники народного творчества осетин. Вып. 2. – Владикавказ, 1927.
7. Нарты кадзхыта, Ирон адæмы эпос. 7-æм чыныг. – Дзауджикау, 2012.
8. Тадевосян Т. Архетипы морского царя и подводного царства в русской былине о Садко и осетинском нартском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Вып. II, 2012. С. 121–127.
9. Джанаев И.В. Сказания о нартах. – Владикавказ, 1940.
10. Хачирти А.К. Аланика. Культурная традиция. Кн. 1. – Владикавказ, 2002.
11. Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. – М., 1962.
12. Белорусско-русский словарь, 1989.
13. Цагараев В. Золотая яблоня нартов. – Владикавказ, 2000.
14. Дюмезиль Жорж. Скифы и нарты. – Владикавказ, 1990.
15. Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. – Владикавказ, 1990.

KHAMYTS – A UNIQUE CHARACTER OF THE OSSETIAN NARTIAD

L.A. Chibirov

Dr., Professor, chief research officer of KNIO VNC RAS (chibirov@mail.ru)

Abstract. The Nart Khamyts is a prominent figure predominating in the Ossetian Nartiade, who is not devoid of genuine dignity and miraculous power. However, according to the plot of most legends (“The Narts’ nykhas”, “How Syrdon made the fandyr”, etc.), Khamyts is represented as a mediocre warrior, who has not performed any feats and is inferior to his twin-brother Uruzmag in terms of courage and responsibility. Narts spoke unflattering things about him: a tendency to gluttony, hardheartedness, seduction of women, the owner of a wonderful «Arkiz tooth». However, he did not dispute the validity of such estimates. Meanwhile, the unreasonableness and vindictiveness of Khamyts, having tragic consequences, is turning good for the Narts. So, he left his mother’s crypt unattended, where in the meantime Satána, the first of the earthly horses Arfan and the first of the earthly dog Silam came into the world. And the extermination of Syrdon’s family resulted in the invention of the musical instrument fandyr. The fact that Khamyts was struck by the “female disease” makes him related to the Scythian enareas and even more to the legend of the fairy Mach from the Irish legend of the Ulaid.

Keywords: the Narta. Legends. Khamyts. Batraz. Bloodfeud. Bytsenon. Enarea. Parallels.

REFERENCES

1. Hamicaeva T.A. Kommentarii // Narty. Osetinskij geroicheskiy epос. Kn. 3. – M., 1991.
2. Narty. Osetinskij geroicheskiy epос. Kn. 2. – M., 1989.
3. Dyumezil’ ZHorzh. Osetinskij epос i mifologiya. – Vladikavkaz, 2001.
4. Gerodot. Istoriya. 1972. I.73; IV. 5;
5. Dahkil’tov I.A. Ingushskij nartskij epос. – Nal’chik, 2012.
6. Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin. Vyp. 2. – Vladikavkaz, 1927.
7. Narty kaddzhyta, Iron adæmy epос. 7-æm chinyg. – Dzaudzhikau, 2012.
8. Tadevosyan T. Arhetipy morskogo carya i podvodnogo carstva v russkoj byline o Sadko i osetinskom nartskom epose // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. Vyp. II, 2012. S. 121–127.
9. Dzhanaev I.V. Skazaniya o nartah. – Vladikavkaz, 1940.
10. Hachirti A.K. Alanika. Kul’turnaya tradiciya. Kn. 1. – Vladikavkaz, 2002.
11. Prikluycheniya narta Sasrykvy i ego devyanosto devyati brat’ev. – M., 1962.
12. Belorussko-russkij slovar’, 1989.
13. Cagaraev V. Zolotaya yablonya nartov. – Vladikavkaz, 2000.
14. Dyumezil’ ZHorzh. Skify i narty. – Vladikavkaz, 1990.
15. Abaev V.I. Izbrannye trudy. T. I. – Vladikavkaz, 1990.

